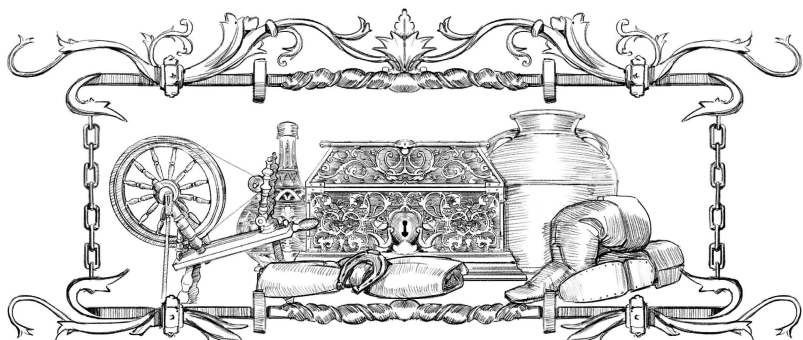

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ	7
<i>Вступление</i>	7
ЗАНЬ: часть первая	31
ЗАНЬ: часть вторая	44
ЛЕННА: часть первая	59
ЛЕННА: часть вторая	74
ИГНА: часть первая	99
ИГНА: часть вторая	117
ИГНА: часть третья	142
ИГНА: часть четвёртая	158
<i>Заключение</i>	185
ЛЕННИНЫ ЗАПИСКИ	201
МЁРТВЫЙ БОГ	239

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

Во времена Ложных Корон, за целые века до рождения Коалиции и последующей войны, стоял близ пересечения трёх широких рек небольшой город Киррик. Основанный талантливым кузнецом, окружённый непроходимыми лесами с одной стороны и пресными водами — с другой. На Киррик можно было выйти по мощёной дороге да хитрыми тропинками. Укрывшись от лесного зверя за частоколом, городок этот жил и рос, будто против воли своенравных богов: хворь огибала тёплые избы, коронованные резными коньками, в каждом дворе водилась здоровая скотина или хотя бы пятёрка добротных кур, рыба сама лезла в широкие сети, а почва под ногами была щедра круглый год, лишь холодными зимами скрываясь за плотной вуалью снега.

Славился Киррик среди бывалых путешественников и купцов обилием знатоков всякого ремесла, потому и звался городом-мастерской. Здесь жили резчики, гончары, кожевенники и ткачи, из поколения в поколение передававшие тайны и хитрости своих профессий. Бесконечно ценны были эти знания, ведь собирались они отовсюду и бережно хранились от забвения, как труднопроизносимые заклятия, оставшиеся с давнишних времён немymi страницами. Путешественники, хорошо знакомые с историей и культурой Киррика, нередко сравнивали его жителей с Бессмертными — детьми Самой Седой Смерти, что

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

так же бережно хранили знания мира внешнего и внутреннего, только в глубоком, закрытом от смертных глаз Некрополе. Вечные за редким исключением соглашались иметь дела со Смертными, чего нельзя было сказать о предприимчивых и любезных жителях города-мастерской.

Конечно же, в Киррике промышляли и кузнечным делом. Отца семейства владеющих металлом звали Реголом Стуком. Этот высокий и крепкий мужчина с пламенно-рыжей шевелюрой был достойным наследником непростого дела: с родовой наковальни вышло без малого тысяча подков, пара сотен мечей и сабель, полчища гвоздей и несколько изделий такой тонкой работы, что уму и таланту кузнеца позавидовали бы по другую сторону злых океанов. В литье Реголу тоже не было равных: плавильня, тонущая в углях, отгоняла неудачи облаками пепла да дыма и бурлила будущими шедеврами. В закромах Регола скрывались десятки литьевых форм, оставшихся наследием ещё со времён предка-основателя, в честь коего и назван город.

Регол принимал заказы охотно, никогда не пытался облапошить клиента на лишнюю монету, к каждой работе относился ответственно. Не было ни одного наездника, воина или купца, что после не поблагодарил бы мастера Стука за честный труд. По слухам, один из искусно выполненных Реголом мечей оказался в руках Александра Хмурого — мудрого полководца и преданного воина Истинной Короны. С этим клинком Александр вёл свой поход сквозь королевство, сшивая разрозненные братоубийственной смутой доскуты в целое государство, дабы не повторить судьбу соседской Регалии.

Кузнец воспитывал трёх дочерей в одиночку: любящая жена умерла при родах. Регол не держал обиды на местного знахаря, что чарами да отварами своими до последнего пытался скрепить уходящее тело и отходящую Смерти душу, но горечь утраты посеяла в мастере истлевший уголёк. Боязно стало ему за семью свою.

Оставшись с дочерьми-тройняшками, Регол принялся растить себе помощниц. Учил он чад своих уму-разуму, с самого их детства прививая любовь к семейному ремеслу. Ещё совсем малышками бегали дочери по кузне от суетливых искр, пода-

ВСТУПЛЕНИЕ

вали отцу инструменты, внимательно следили за работой мастера. А как затихала кузня под вечер, укладывал Регол детишек к спокойному крепкому сну, не забывая передать чрез красно слово простые истины. Даже в сказках, что слагались в огоньке свечи, предостерегал отец о коварных людях, скрывающих свою хитрость за вуалью ночи иль при ярких солнцах; о силах гадких, тёмных, как смоль да сажа; о демонах и о тех, кто всякого демона будет стократ хуже.

Прошло много лет, и пуще прежнего загремели молоты, взвыл страшным рёвом горн, подгоняемый мехами, искрами наполнилась кузня. Отныне четыре мастера ваяли мечи да подковы. Мудрый Регол словом да примером выучил трёх красавиц непростому делу. Лицами те были бледны, как снег, с волосами рыжими, как горново пламя, глаза сияли зелено, как морские волны.

В одну из зим, в ночь, что стала длиннее дня, гремела работа. Не зная лени, ваяли сёстры изящный клин, убаюкивая стуком захворавшего в морозы отца. Не давали мастерицы продыху кормилице-наковальне, что пережила уже несколько поколений Стуков.

Старшая сестра — могучая станом Игна — всегда бралась за самую тяжёлую работу. Сильна была не по годам, ростом с отца родного, волосы подрезаны выше плеч. Её характер — тяжёлый и крепкий — был схож с двуручным молотом, коим чаще сестёр работала мастерица в кузне. В сиянии искр, исходящих от клинка, она гремела против воя метели за дверью, и в каждом ударе чувствовалась мощь необычайная, лишь мастеру подвластная.

Средняя сестра — высокая лбом Ленна — стояла близ всей работы и клещами держала неугомонный клин на месте, не сводя с него холодного взгляда. Две косы обрамляли светлую голову, а рука тянулась чаще к книге, нежели чем к инструменту. Там, где не было достаточно лишь грубой силы, не стеснялась она дать старшей дельный совет, коими голова светлая полна. Если делать — то по уму, зная каждый угол, под которым надо бить, каждый знак, что подаст металл.

А коли силы да ума недостаточно, то помочь могла лишь младшая сестра — чуткая сердцем Зань. Собирала она свои

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

волосы непослушные в пучок всякий раз, когда отправлялась в кузню. Стоя во главе горна, чуя дыхание пламени в нём, не отпускала дочь Регола рукоять мехов да угля кусок. Доверившись лишь чувству своему, способна была мастерица уберечь огонь от смерти, клин — от излома, а родных своих — от тёмных мыслей.

Три сестры — лицом одинаковы, да чертами различны — едва расслышали сквозь рабочий гул посторонний звук. Сначала подумали, что доска в полу скрипела иль отец с кровати поднялся. Но сей негромкий стук, едва слышимый в песне зимы, доносился снаружи, за массивной входной дверью, на засов закрытой. Зань, переглянувшись с языками пламени, подошла к порогу и окликнула незнамого гостя:

— Чего вам?

Никто не ответил, лишь снова постучал.

Ленна, отставив клещи, встала подле младшей и спросила, не отворяя:

— Кто пожаловал?

И вновь — тишина. И один громкий стук.

— Не учили отвечать на вопросы, а?! — Игна, не выпуская из руки молота, отогнала сестёр, засов сбросила и распахнула дверь, едва не сорвав с петель.

На неё беззвучно, брошенным плащом, упал незнакомец. Холодный, как лёд на трёх реках, укутанный в три слоя от пят до затылка в одежды худые, он не мог выдавить из себя ни звука. Сёстры оттащили незнакомца в глубь кузницы, встали вокруг него и быстро переглянулись. Зань наклонилась, достала из кармашка гвоздь и легонько ткнула гостя в ногу: без движения. Рукой она над лицом закутанным провела, желая поймать дыхание, и сказала тихо-тихо:

— Помер. — Она с печалью взгляд опустила.

— Быть не может, — полушёпотом возразила Ленна, — так настойчиво стучать — и сразу слохнуть? Живой он, точно говорю.

— Должно ли нас это волновать? — спросила Игна, не ожидая ответа. — Металл стынет, холодного воздуха пустили, от

ВСТУПЛЕНИЕ

клина отвлеклись. Пусть либо приходит в себя, либо в мир иной отходит.

— Да.

— Точно.

Сёстры вернулись к работе. То ли от вновь поднявшегося грохота, то ли от нагоняемого горном жаром незнакомец зашевелился. Жизнь возвращалась в него так, как обычно покидать должна: то пальцем дёрнул, то ногой, то по всему туловищу дрожь пробежала. Наконец, жадно вдохнув тёплый воздух кузни, неизвестный спросил у спасительниц:

— Мой брат... Остался за дверью?.. — и пробормотал тихо: — Впустите его тоже, прошу...

Средняя сестра, разобрав от силы половину произнесённых в дрожи слов, метнулась на улицу, согреваемая лишь собственным любопытством. Вторая фигура, что ростом была выше мастера Стука на голову, молча тонула в снегу. Как глыба, не нашедшая себе роли лучше, чем просто стоять наперекор жестокой зиме, второй незнакомец не сразу почувствовал, как его схватили за рукав, а потом вовсе толкнули в спину. Он с негромким звуком встретил дверную раму своим крепким лбом.

— Осторожно! — ахнула Ленна. — Такой детина и такой глупый! — возмутилась она, уставив второго гостя к первому.

— Не злитесь на него, пожалуйста... — почти слёзно упротис стучавший, приподняв голову. — Удулад, братец мой, как ты? Жив ли ты?

— Как всегда, — протянул второй, — только холодно.

Удулад поднял своего товарища, поставил на ноги, отряхнул от снега, прошёлся по кузне взглядом бессодержательным.

— Мы пришли? — спросил Удулад.

— Да, мы пришли. — Брат его кивнул. — Хвалю твою наблюдательность.

— Спасибо.

Тяжело вздохнув, Игна отложила инструмент и обратилась к незнакомцам. В ней не было ни любопытства, ни страха перед неизвестными — гостями явно далёкими, да недалёкого ума, раз

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

решили отправиться в Киррик зимой, ещё и в каких-то тряпках вместо тёплых одежд.

— Кто такие и чего надо? — спросила она громко, но холодно.

— Дэнда, — показал стучавший на себя. — Улулад, — показал на брата. — Миску горячего, выпить и немного вашего времени. — Он пустил руку себе за пазуху. — Пожалуйста.

Предупреждая все недовольства, Дэнда протянул Игне ценную монету, поблёскивающую в свете горна. Уж золото настоящий мастер и в темноте разглядит! Старшая сестра одобрительно кивнула: по крайней мере, гости представились, прямо и без лишних слов, подкрепив просьбу деньгой. Настоящий делец, таких принято в Киррике уважать.

— Ждите здесь. Отец спит, один громкий звук — и вернётесь туда, откуда пришли, со здоровенной шишкой посреде лба.

Гости кивнули обмотанными головами.

— Сестрицы, дайте им поесть и выпить, — распорядилась Игна, не сводя глаз с чужаков.

Подали гостям мясного супу только-только с огня и холодного, прямо как по погоде, пиво. Двое, стянув часть своих одеяний, показали хмурые лица и принялись за еду. Кожа у них была цвета алого, глаза большие и светлые, как полные луны, чёрные густые волосы собраны в пучки на затылке. У Дэнды лицо узкое, с длинным прямым носом, а глаза маленькие и юркие, как у заядлого вора. Улулад, напротив, имел голову широкую и бесформенную, будто горшок руки дурного гончара, узкие кривые губы и пустой взгляд, устремлённый сквозь стены кузницы.

— Из каких далей они к нам приплыли? — тихо спросила младшая.

— За каким срочным делом явились посреди ночи? — прошептала средняя.

— Пусть доедят, а там всё разведем, — заключила старшая, рассматривая монету. — Деньги у них водятся, это мы уже знаем.

Двое, не присаживаясь, съели и выпили всё без остатка. Улулад было собрался облизать пустую миску, но Дэнда вовремя выхватил её из здоровых рук.

ВСТУПЛЕНИЕ

— Большое спасибо, — кивнул тот, возвращая посуду, а затем ткнул локтем в бок товарища: — Скажи: «спасибо».

— Спа-си-бо, — произнёс медленно Уулад. — Еда вкусная.

— По какому делу вы явились? — осведомилась старшая сестра, скрестив руки. — Я вас слушаю.

— Можно ли присесть?

Странникам подтащили два табурета. Дэнда, оперевшись локтями в ноги, водрузил подбородок на сцепленные пальцы, затем кивнул товарищу на свободное место. Тот присел, не отрывая взгляда от чего-то, видимого только ему одному.

— На самом деле мы к вашему отцу, — признался он негромко.

— Сейчас он недомогает, мы работаем за него, — пояснила Ленна.

— Тем проще. Вы ведь большие мастерицы во всём, что касается металла?

— Верно! — не стесняясь, ответила Зань.

— И в навыках не уступаете достопочтенному Реголу?

Сёстры неохотно кивнули: не хотели затмевать они талант отца. Дэнда улыбнулся, ненадолго обнажив плотный ряд острых зубов. Кажется, последние его сомнения в состоятельности молодых кузнецов засим пропали.

— Тогда мы оставим вам заказ! — произнёс гость почти торжественно. — Заказ непростой, скажу сразу. Мы с моим другом отчаялись, бродя по всему свету в поисках достойного мас...

— Говорите уже, что вам надо сковать. Только время тратите, — нетерпеливо перебила Игна.

Дэнда слегка опешил, ведь далеко не каждый встреченный за долгие годы человек смел ставить ему поперёк слово. Не то чтобы сам он был большой любитель разговоров: в его делах речей мало. В мыслях он простил девушку и продолжил:

— Нам нужно оружие. Не оружие даже, — скоро поправил себя Дэнда. — Шедевры кузнечного дела. По совету нашего господина... — Он вопросительно посмотрел на товарища: — Уулад, напомни-ка...

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

— «Одно оружие, чтобы врага моего бить. Одно оружие, чтобы меня защищать. Одно оружие, чтоб волю мою исполнять», — ответил громила голосом властным, гневливым — не своим. — Так велел владыка.

— Слово в слово повторил, — Дэнда улыбнулся, — а говорят, что у тебя голова ненадёжная...

«Заказ непростой», — молвила Ленна своим сёстрам одним лишь взглядом. Игна недоверчиво покосилась на гостей.

— Из чего вам изготовить ваше оружие? — спросила Зань, уже взвешивая в руках два слитка. — Не бронзовыми же клинками вам махать? Быть может, калёным железом? Или сразу предложить великую сталь?

— Нет, нет и нет. — Дэнда разочарованно замотал головой. — Эти металлы сильны, но недостаточно. Мы дадим вам материал.

— Заново сковать, — внезапно добавил Улулад, — дать жизнь умершему. Знакомо.

— Не обращайтесь внимания, — рассмеялся Дэнда, возложив руку на плечо товарища. — Мысли братца блуждают где-то вне пределов нашего мира. Ладно, Улулад, где там груз наш?

Улулад, очнувшись от обрывков памяти своей, поплёлся на улицу, а через несколько мгновений вернулся с тяжёлым окованным сундуком. Он возложил его напротив сестёр-кузнецов.

— Как ты мог бросить металл без присмотра?! — взвился Дэнда, вскочив с табурета.

Улулад лишь уставился сквозь дощатый пол, не ведая ни стыда, ни сожаления. Не дожидаясь ответа, Дэнда достал из-за пазухи грубый ключ, нащупал хитрую замочную скважину где-то на торце сундука и принялся его отпирать. Внутри приглушённо щёлкнуло, и крышка подпрыгнула на высоту фаланги пальца.

— Любуйтесь, трогайте, проверяйте. — Дэнда отошёл немного в сторону. — Материал не из простых. Уж я-то знаю... — подозрительно тихо добавил он.

Дочерна грязные, что ни острия, ни заточки не видно, с прогнившими рукоятями, поломанные и погнутые — лишь оскол-

ВСТУПЛЕНИЕ

ками древнего воинского дела томились в сундуке останки мечей, топоров и кинжалов. Некогда грозное оружие, пропавшее в безымянных могилах на сотни лет вместе со своими хозяевами. Игна узнала один из мечей и сильно удивилась: частично сохранившимися линиями он напоминал детище формы литьевой, что лежала в подвале среди наследства Стуков.

— Знакомо? — усмехнулся Дэнда, поймав тревогу в глазах молодого кузнеца. — Это были некогда великие мечи, но сейчас от них мало толку...

— Вы разграбили могилы, чтобы достать их! — гаркнула гневно Игна, вновь взявшись за молот.

Она сделала несколько скорых шагов к Дэнде, но путь ей преградили сёстры, явно не желавшие столь необдуманной расправы над гостями. Улулад, заступивший перед Дэндой, оскалится и тихо зарычал. Во взгляде его проснулось нечто дикое.

— Вовсе нет, — Дэнда вновь замотал головой, аккуратно обходя брата, — мы не занимаемся такой грязной работой. Те, у кого мы их выменяли, подобным промышляют, но точно не мы, — самодовольно бросил алый странник. — Не разносить же находки обратно по гробам?

— Какой чудной металл... — прошептала Зань, что уже ковыряла гвоздиком присохшую к куску древнего клинка грязь. — Междумировы Жители! — громко воскликнула она.

Зань явила сёстрам осколок. Освободившаяся от налёта времени линия на нём оказалась гладкой и чистой. Неведомый металл, что должен был прогнить и рассыпаться в прах, под грязью сиял, как только скованный. Никакое железо, никакая сталь не смогли бы сыскать в себе и десятой доли такой крепости! Зань, не спрашивая разрешения, подкинула клещами фрагмент меча в горново пламя, чтобы после одним ударом о наковальню сбросить вскипевшую грязь.

— Осторожно, дура! — прикрикнула старшая сестра.

Зань, в своём чутье уверенная, дотронулась вновь до чистого металла ладонью. Ленна бросилась за припаркой от ожогов, что стояла на полке, но младшая сестра подняла невредимую руку.

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

— Он холоден, — неуверенно призналась она, будто не веря собственным словам. — Как труп, холоден. Это Драконья Гибель, ведь так? — обратилась Зань к Дэнде.

Тот лишь самодовольно ухмыльнулся. Ленна, не явив доверия ни гостю, ни сестре, взяла очищенный кусок, сжала в руке так, что чуть не пустила себе кровь. Несколько искр пробежало чрез металл, высвободившись быстро угасающими точками света.

— Действительно, колдуново железо, — покивала она.

— Но кто станет ковать мечи из металла, что годится лишь колдунам да знахарям? — спросила старшая сестра не то у всех присутствующих, не то у самой себя. — Он дорог и ломок, совершенно не годится для холодного боя.

Игна взяла у сестры кусок меча. Сначала, закрепив в тисках, она хотела фрагмент древнего орудия погнуть, испортить — но осколок не поддавался. Тогда мастерица положила его на древнюю наковальню. Определив себе точку удара, Игна хорошенько размахнулась, раздался громкий одинокий звон... Молот отскочил от клинка, как копыто от пыльной дороги, а мастерица, потеряв ненадолго равновесие, чуть не упала на пол. Улулад, сохраняя совершенную пустоту в глазах, удержал Игну за плечи.

— Крепок, зараза!.. — она грубо вырвалась из рук странника и отложила инструмент.

Дэнда, всё это время молча наблюдающий над опытами сестёр, лишь пожал плечами, выказывая полное отсутствие удивления результатам. Затем он со всей возможной осторожностью приподнял осколок кончиками пальцев и метнул обратно в сундук.

— Видать, отец вам мало чего рассказывал, — произнёс он с нотой разочарования. — Искусство создавать оружие из Драконьей Гибели жило и погибало множество множеств раз, исчезало вместе с немymi мастерами лишь затем, чтобы родиться вновь в других умах. До сих пор мы не встретили кузнеца, способного выковать даже ножа из колдунова железа... Но почему-то мне верится, что я да братец мой закончили свои поиски, — добавил он многозначно.

ВСТУПЛЕНИЕ

Сёстры переглянулись. Казалось, что пора выставить незваных гостей, закрыть дверь на засов и вернуться к работе, не вспоминая ни вслух, ни в уме об этой встрече. Но Ленна, не сдержав природного любопытства, решила прояснить хотя бы для себя один-единственный вопрос — немного глупый, отчего ответ мог стать очевидным и опровергающим домыслы молодой мастерицы:

— А зачем вашему владыке оружие из Драконьей Гибели?

— Не ваше дело, — отрезал Дэнда.

— Демоны желают вернуться, — произнёс негромко Улулад, не отводя взгляда от горизонта. — Мы должны защитить владыку от посягательств на жизнь его. Должны. Должны. Должны.

Сёстры были повергнуты в глубокий шок. Великая дрожь кротко коснулась даже стальных рук Игны, что всем видом не выдавала и тени ужаса. «Если хоть половина рассказов отца правдива, значит, на королевство — нет, на весь континент! — упадёт страшная беда. Неужели эти двое с алой кожей и светлыми глазами — предвестники чудовищного века?» — сверкнуло в её уме.

— Ну вот, не можешь ты держать язык за зубами, братец Улулад, — забормотал раздосадованно Дэнда, — девушек в могилу сведёшь такими громкими словами.

— Он не врёт, странник Дэнда?! — Зань, места себе не находя, мерила мастерскую шагами. — Демоны и Опалённые вновь сойдутся в бою?!

— Мы никогда не врём, — прояснил Дэнда, не скрывая обиды, — ложь — удел двуногих... А про Опалённых мы знать не знаем: святыня их закрыта надёжно и глубоко, а что от них осталось... — он кивнул на сундук, — перед вами.

— А как же Бессмертные? — почти шёпотом спросила Ленна. — Мастеров среди них — тьма, наверняка кто-то да знаком был с самими Опалёнными.

— В колдуновом железе им нужды нет, и демонов дети Смерти не страшатся.

— Сиенна знала про владыку, — озвучил свои немногочисленные мысли Улулад, — не слушала нас горелая роза.

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

— Ты слишком болтлив сегодня, братец, — прошипел сквозь стиснутые зубы алый гость.

Игна, устав от вопросов сестёр, решила задать свой:

— И когда придёт демонов час?

— Владыка не назвал сей дочерна тёмный день, но это произойдёт скоро даже по вашим меркам.

Последние три Лжи падут возле стен тысячи лиц.

Ради Истины погибнет седой блюститель границ.

Его имя возьмёт законный первенец короля.

Кровью остывшей напьётся земля,

И демоны голодные вернуться к ней...

А после может не стать королей.

— Вот что сказал наш господин, завидев краем глаза дни, ещё не пришедшие. — Дэнда взял долгую паузу, позволив предсказанию осесть в молодых умах. — Мы не можем требовать с вас, мы не станем просить — вы будете нам должны, если мы заключим сделку.

Теперь сёстрам всё было ясно: судьба порог с двумя гостями переступила. Это — испытание, что возложено на род Стук, от их действий будет зависеть жизнь не только какого-то там повелителя, но и всего рода людского. Зань, Ленна и Игна переглянулись: младшая не скрывала ужаса в глазах, средняя хотела спрятать взгляд от любимых лиц, и только старшая, быстро взвесив их таланты и недостатки, улыбнулась сёстрам. «Мы справимся», — сказала она лишь своим видом.

— Дэнда, Уулад, мы возьмём заказ! — произнесла громко Игна. — Но у нас есть два условия.

И вновь Дэнда с трудом проглотил чуть не вырвавшееся недовольство: с каких пор эти обречённые души были так храбры или невежественны, чтобы ставить условия слуге господ всех господ?

— Я весь внимание, — стиснув зубы, кивнул алый гость.

— Первое. То, что не уйдёт из этого сундука в работу, мы оставим себе.

ВСТУПЛЕНИЕ

— Какая наглость! — выпалил Дэнда, сделав шаг в сторону сестёр. — Дерзкая девчонка, знай место!

Удулад схватил брата за плечо и замотал головой.

— Имеют право, Дэнда... — голос громилы был спокоен и невозмутим, как льдина. — Не спорь.

— Второе, — продолжила старшая сестра, — что бы ни произошло с нами, ни ваша милость, ни ваш гнев не должны коснуться рода Стук: ни предков, ни потомков. Они здесь ни при чём.

— Хорошо. — Дэнда лениво отмахнулся. — Это всё?

— Да, — уверенно ответила мастерица.

— Тогда я повторю.

Почти слово в слово алый странник вновь рассказал о непростом деле, о трёх шедеврах и о щедрой награде; снова помянул, сколь точны и совершенны должны быть эти орудия.

— Мы явимся в ночь трёх лун, через девятнадцать солнечных кругов, — объявил алый делец. — Мы щедрь наградой, но и не скромны гневом.

— Мы согласны, странник Дэнда.

Тогда гость обнажил кинжал, оставшийся в напоминовение о старом безумце, встретил остриё кончиком своего указательного пальца, почти неслышно зашипел от боли. Тёмные капли побежали по фалангам, через ладонь, оставаясь возле запястья.

— Тогда решено! — произнёс он громко. — Зань, Ленна и Игна согласны создать шедевры во славу владыки и передать нам в ночь трёх лун. Боги, души и звёзды — свидетели сего договора.

Он пошёл вокруг сестёр, роняя кровь в их длинные тени до тех пор, пока мрак не побагровел. Ещё каплю он бросил в пламя горна. Сёстры почувствовали, как будто что-то закралось в линии темноты, тянущиеся от их пят.

Огонь покраснел, заливая кузню светом неверным, проклятым. То был не трюк, даже не магия: что-то совершенно иное, в старых книжках предписанное существам, стоящим у самых истоков человеческого знания о колдунстве. Пламя моргнуло — и стихло, как если б не было его. Недолгий ритуал, скрепляющий слова тенью и кровью, окончен.

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

Заскрипела лестница, ведущая на второй этаж. Босые ноги, спотыкаясь о потревоженный сон, несли своего напуганного владельца к дочерям.

— Что здесь происходит? — влетел в кузню старый мастер. — О Междумирья Жители, кто эти люди?

Отец пригляделся — и замер в ужасе. Алые лица, являвшиеся ему в глубоких кошмарных снах, перешли порог дома кузнеца и смотрели на него из полумрака, сверкая лунами-глазами. Слуги стояли, обвиняя дочерей мастера цепями страшного долга, пальцы алого господина, призванного безумцем в мир людей, ощущал он на шее своей, и дыхание Регола ненадолго прервалось.

Он их узнал.

— Как вы попали внутрь?! Кто дал вам право?! — взревел Регол, подбирая могучей рукой неподъёмный сёстрам молот.

— Ваши скромные дочери сами впустили нас, о великий мастер, — поспешил успокоить кузнеца Дэнда. — Я был уже при смерти, когда свалился внутрь, я не мог ступить и шага без помощи вашей дочери. И братца ввели хоть и по моей просьбе, но по воле собственной. Так мы и оказались внутри.

Отец семейства бросил испуганный взгляд на порог своей кузни, своего дома. Слова, оставленные предками, холодным светом едва мерцали. Каждый слог в них был цел и невредим, а значит, лишь хозяева могли пустить в свою обитель нечисть.

— Хитёр, хитёр подлец! — признался вслух Регол Стук. — Скажите, дети мои, не заключили же вы с ними сделку? Не взяли ли вы на себя обязанность перед этими тварями?

— Взяли. Взяли. Взяли... — затараторил Улулад, не упрятав пустоты остекленевших глаз.

Охнул отец, осел лицом, поник членами своими. Чума прокралась в кузню мимо знаков человеческих сил. Гадкой хитростью твари обошли ловушки, через которые даже демон не переступит. Слуги алого владыки, лишь двое из девяти детей страшного колдунства, явились в ночь, чтобы не настало утро. Нет от их гнева ни укрытия, ни далёкой дороги: всюду найдут, изрежут, призовут во служение своему людоеду-господину.

ВСТУПЛЕНИЕ

— Ты знаешь нас, — заключил тяжело Улулад. — Откуда? Мы ведь тихие.

— Из легенд, оставленных мне праотцами, я ведаю о вас: о девяти нелюдях, что несут чужую волю.

— О нас слагают легенды? — с искренним удивлением спросил Дэнда у брата. — Владыке это не понравится...

— Вы бережёте своего господина, как калека бережёт единственный зрячий глаз, ведь без него вы будете слепы и убоги!

— Советую следить за языком, мастер, — перебил кузнеца Дэнда. — Я наслушался сегодня наглых слов, и терпение моё подходит к концу.

Сёстры, не видя себе места, лишь стояли и смотрели, светлая мысль подло бросила их в этом непростом положении.

— Осядет здесь сундук с мёртвыми клинками до ночи трёх лун, — повторил Дэнда, направляясь с товарищем к выходу, — и явятся из него три орудия-шедевра для трёх сильнейших из свиты. Ваш род — не помощник в изготовлении, — припомнил Дэнда условие Игны, — полагайтесь только на свои навыки да добрый совет отца. За каждый шедевр уплачено будет золотом. Остатки колдунова железа вам в довесок к щедрой награде.

— А если не справимся?

— А козь неудачна работа будет, — оскалился Дэнда, — то сожжём мы и вас, и весь Киррик, пощадив отца и других родных вам кровью.

— Что?! — уже Игна сжала кулаки.

— Таков договор.

Странники перешли порог, открываясь зимним холодам. Делец негромко взвизгнул, когда защитные чары яростно вцепились тому в ногу. Оправившись от магической ловушки, он лишь ухмыльнулся.

— До встречи, мастерицы.

Улулад закрыл за ними дверь, и две фигуры, вновь укутав лица, растворились в стенах вьюги, не оставив даже следа на снегу.

Немота упокоенных осела в застывшей кузне, всё семейство стояло неподвижно, как обращённое в лёд трёх рек. Регол Стук,

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

не выпуская орудия, будто смотрел вслед тварям. Ещё немного — и он ринется в погоню, но страх за дочерей и неуверенность в собственных силах сковали его.

Зань очнулась первой. Она усадила отца на ступени, освободила от молота, принесла ему кружку холодного, что всегда вносило ясность в потемневший разум, коснулась колючей щеки, чтоб поймать одинокую слезу.

— Не горюй, отец, — успокоила она его, — не бойся.

— Да как же не горевать, доча?.. Боязно мне, стужа в душу проникла...

Ленна, повторив за младшей, пришла с сухарями и сметаной. Она смахнула вторую слезу.

— Не вини нас. Знали мы, за что брались, да не углядели всего.

— Себя, дурака, виню, и только себя, — бормотал уже не мужчина, а лишь старик разбитый. — Не уследил, не углядел...

Игна, очнувшись, отогнала прочь мысли грустные и отчаянные вместе с последней отцовской слезой. Она зажгла свечу, что разлегалась воском на шандале. Свет вновь вернулся в дом мастеров.

— Почему ты не говорил о них? — спросила она.

Тише шёпота стал мастер:

— Я говорил... В легендах праотцов наших они зверьми ходили, не людьми... Глаза, полные лунного света, кожа да шерсть алая, кровь проклятая... Теперь я знаю: твердили предки про нутро, а не про поверхность.

В дрожи света отец и дочери вернулись во времена подзабытого в труде детства, когда образы чудные с лёгкой руки в ночи оживали: волк мёртвый, хищная кошка и пронырливый крыс.

— Они будто сошли со страниц старых, как наша наковальня, книг, — продолжил Регол. — Алые слуги являлись людям в холодные ночи, но то было так давно, что кажется лишь выдуманной заскучавших стариков...

— Насколько они честны, отец? — спросила Игна, поглядывая на сундук с Драконьей Гибелью.

ВСТУПЛЕНИЕ

— Алая свита держит слово. Всегда. Их создатель — делец жестокий, но не бесчестный. Лгать его тварям не положено, молчание и недомолвки — вот их удел. Даже в речах у них нет свободы, но каждое ваше слово они извратят, если нужно.

— Значит, и про демонов они не солгали?

Удивлённо посмотрел отец на сестёр, и те поведали ему то, что рассказали неохотно гости. Тогда потерял Регол дар речи на добрую минуту, если не на две.

— Вы поступили храбро, дочери мои, — вновь очнулся от дум кузнец. — В страшное дело впутали вас эти существа, но ради цели высокой. Тот опыт, что принесёт сей заказ, пригодится всему роду человеческому. Из остатков Гибели Драконьей скуёте вы ещё дюжину орудий против демонов.

— Но как же нам сотворить шедевры? — поинтересовалась Ленна. — Мы знать не знаем, как из колдунова железа ковать мечи.

Отец не без помощи сестёр поднялся. Проверив дверь, знаки, что тянулись под порогом, он встал к наковальне, как если бы хотел приняться за работу. Поочерёдно, осколок за осколком, он разглядывал содержимое сундука, сближая металл с огнём свечи.

— Заказ чудовищ непрост. Вы не обратили внимания, но среди обломков есть работы не только древние, но гораздо новее. — Один кусок он чуть погнул о наковальню. — Это — следы предшественников ваших, чей малый опыт и неуверенность погубили будущие клинки, а впоследствии — их несостоявшихся авторов.

Сёстры помрачнели: не разглядели они изделий кривых да недавних, что на самом дне сундука были спрятаны. Вновь обожглись они о хитрость алого дельца.

— Но не волнуйтесь, дочери мои, — поспешил мастер успокоить учениц. — Луны встретятся в трёх углах лишь через девятнадцать лет. Этого времени вам будет достаточно, чтобы постигнуть тайны, ушедшие в века.

— Где нам искать мудрости, отец?! — воспряла Игна. — Мы хоть сейчас отправиться за ней готовы!

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

Регол молча подошёл к горну, что под чарами Дэнды совсем остыл. Взяв кочергу, он принялся вычищать золу да мёртвый уголь. Закончив, отец Стук достал из ящика стола пергамент, поднял один из угольков и, возложив пустой лист на днище горна, второй рукой начал быстро вести по нему полосы. Очень скоро черты угля обрисовывали в себе пропуски, что постепенно собирались в знаки и символы, не ясные никому из сестёр.

— Это — высеченное послание нашего предка, одного из трёх величайших мастеров ремесла кузнечного, — произнёс Регол, показывая дочерям белые буквы среди черноты. — Здесь лежат слова благодарности товарищам, чьи знания и навыки наш род наследует из поколения в поколение. Но множество секретов они оставили при себе, не видя нужды в их распространении.

— Они забрали в могилу техники, что способны помочь в создании оружия, убивающего демонов?! — Игна оскалилась. — Какая глупость!

— Не забрали, а спрятали, и лишь затем, чтобы за ними пришли в час нужды, — пояснил отец. — Такое знание сокровенно, ценно и в умах гневных иль отчаянных мира сего разрушительно в первую очередь роду человеческому. Даже себе я не доверился, но вам...

Он не закончил, лишь вспомнил последний взгляд покойной супруги: одними глазами она прощалась с мужем на смертном одре сквозь рыдания трёх новорождённых. Вновь отбросив скорбь, Регол вчитался в пергамент, припоминая уроки седовласого отца своего. Затем поднялся к себе в комнату, чтоб вернуться с картой бесценной, щедрым купцом в оплату оставленной. Разложил кузнец карту на столе и повёл по ней рукой, будто на ощупь ища места заветные.

Палец его сначала остановился на крохотном Киррике, но сразу дёрнулся к западу. Множество названий диковинных встретилось по пути: пограничный город-крепость Гаард, затем Мердон, Лива, Шер`Дам... Посреди чужой страны, именуемой Регалией, — горный хребет, делящий землю эту пополам и имя на себе несущий: «Цынные горы».

ВСТУПЛЕНИЕ

— Одинокий Зук жил на западе, среди вечно белых Цынных гор, в глубинах мёртвого города Сиим: единственного, что не исчез из нашего мира. Искал отшельник равновесия, высокого чувства и свои труды этому посвятил.

Палец кузнеца вернулся в Киррик. Почесав в затылке, пытался Регол что-то важное припомнить, да вот на ум ничего не шло.

— Кирр жил и умер здесь, в крошечной деревне, что лишь годы спустя назовётся Кирриком в честь своего основателя. — Ногтем он постучал по точке на карте. — Но дорога к секретам его непроста.

Вновь повёл пальцем мастер в сторону. Мимо Двухглава, Зимницы, крепости Дол, что в первой битве Ложных Корон руинами легла. Горсть крохотных деревень, меж лесной чащи разбросанных, а посреде них — пустое пятно на карте, туманами чародейскими затянутое, безымянное.

— Оставил наш предок знания свои господину Краплаку, Северного Некрополя обитателю, на сохранение. Овладел Кирр наук целым легионом, хоть учёным и не звался, знал приёмы да обряды, чтоб металл жить дольше мог...

Снова Киррик. Тяжело вздохнул Регол, прежде чем путь показать. Палец пополз вдоль русла реки Брав, затем свернул. Мимо Гиганта-На-Боку, Древа Дев, Железных Ворот, по Пыльному Пути — на юго-восток, всё дальше и дальше от Королевства. Регол снова сверился с записями и сказал:

— Гинн жил за Пыльным Путём, в империи Тайя. Владел он техникой, лишь имперским мастерам доступной, чтоб ковать без молота, раскалять без огня. Только большой силе откроется сей талант...

Регол умолк, нависнув над картой. Не смел он указывать дочерям, куда им следовало пойти, ведь каждый путь был по-своему опасен. Советовались сёстры шёпотом: стоило ли идти вместе или порознь, а если порознь, то кто куда... Первой из круга вышла младшая.

— Я отправлюсь к Сиим! — бросила радостно Зань.

— Скачи на кобылах до границы с Регалией, а затем прямо к Цынным горам, — велел Регол. — Страшись незнакомцев, коих

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

ты встретишь в этой расколотой стране множество. Доверься чутью своему — и окажешься на вершине.

Ленна вернулась к карте. Открыв было рот, она переглянулась с Игной: старшая сестра ей уверенно кивнула.

— Я отправлюсь в Некрополь, — произнесла средняя дочь. — Коль долгом связан Бессмертный, я не побоюсь прийти в его дом.

— Про обиталище Бессмертных мне известно мало, — признался отец. — Лишь знаю, что в деревнях по соседству должны знать про Некрополь. Дети Смерти мудры, но не без норова. Будь вежлива и скромна в вопросах.

— Я поняла.

Все трое взглянули на Игну.

— Тайя, значит... — сказала она гласом холодного железа. — Сёстры мои не совладали бы с такой непростой дорогой, а силы мне не занимать. Как туда добраться?

— С караваном, по почве сухой и ломкой, — мрачно ответил Регол. — На месте остерегайся разбойников да учи язык страны восточной.

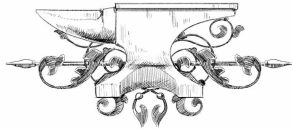
Дороги ныне ясны. Война Корон Ложных Стук не пугала. Ещё с детских лет младшая знала, когда нужно спрятаться иль затеряться, средняя умом блистала, что народ временами путал с хитростью какой, а старшей несложно было обидчику и по голове стукнуть, и в пузо врезать — дай только кулаком хорошенько замахнуться. Но всяко лучше ходить по дорогам живым, на одном месте подолгу не стоять, ухо держать востро, чтоб никаким армиям на пути не попасться. Страшиться стоило тех мест, что за границей стояли: там-то любая небылица горькая правдой обратиться может, щедр родной континент на разные языки, культуры. Бессмертные — толк отдельный, чего ждать от них — щедрости или беды, — совсем неясно. Всё было обсуждено вслух, и в доме Стуков зависло смятение немое. Поймал его отец семейства и громко озвучил:

— Не бойтесь! Всё вам по плечу. Не кровью вы сильны, а навыками своими. И ещё... — Он устало выдохнул: — Ищите мудрость в себе. Чужое знание убережёт следует и крепко запо-

ВСТУПЛЕНИЕ

мнить, но любая работа мастера — это продолжение только его мыслей, новых и смелых. А было бы иначе, жили бы мы в пещерах холодных да палками волков гоняли... — Регол улыбнулся.

Дочери кивнули. Запомнили слова отцовские, чтоб к ним в тяжёлый час в мыслях вернуться. Следующим утром, после беспокойного сна и долгих сборов, сёстры, попрятав от отца слёзы расставания, простились с ним и друг с дружкой. Переступив порог родного дома, три мастерицы отправились в путь. На молодые плечи отныне возложена судьба всего смертного народа, непростые испытания дожидаются их в местах далёких да неизвестных. И лишь только алые тени — знаки договора с нечистыми силами — были в судьбе им попутчиками...

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

Арислум отстранился от шёпота мира. Его голова дрожала на тощей шее, оттопыренные уши горели чужими словами. Алы́й слушатель разглядел в себе остатки сил, поднялся и поспешил передать владыке благою весть голосом вечно тревожным и дрожащим.

— Три м-мастерицы пок-к-кинули дом.

Владыка, скорчившийся среди битой темноты, улыбнулся, но не новости, а явлению своего брата в добром здравии.

— Зачем мне это знать, мой милый друг? — владыка взмахнул рукой. — Нас интересует результат их похода. Но я рад сделке: Дэнда не потерпел бы отказа, и горел бы Киррик... Оставь их пока, пусть идут.

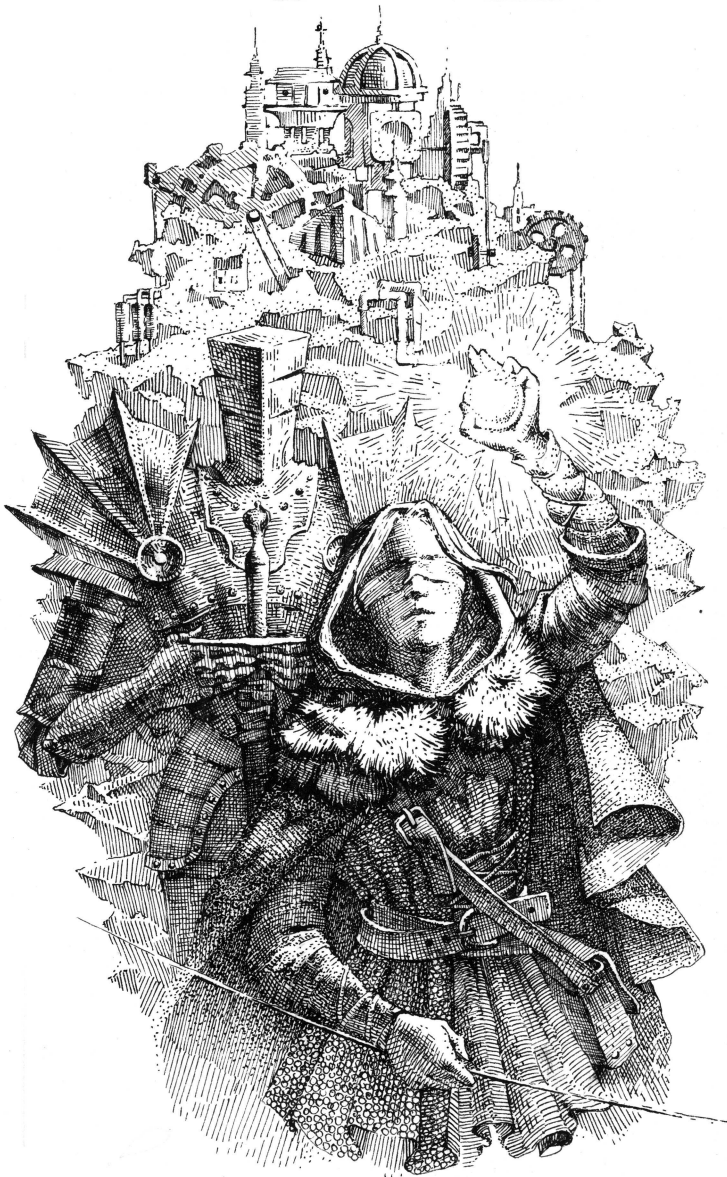
— Велите д-далее слышать струну г-горизонта?

— Да-а-а... — господин задумчиво растянул единственную гласную. — Мне всё боле интересно, что упускаем мы из виду, отсиживаясь в этой дыре. История творится почти без нашего вмешательства. Где воин сейчас и убийца?

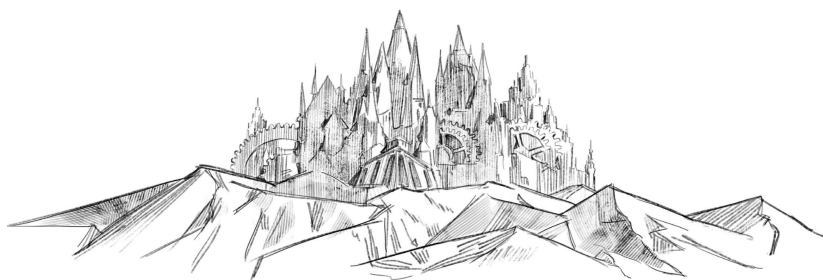
— О-один кровь короля по в-ветру ищет, — Арислум чуть головой повёл, — втор-рой идёт к великим мертвецам. Как вы и приказывали.

— Хорошо. Прекрасно. Держи меня в курсе дел.

До явления трёх из алой свиты оставалось девятнадцать лет.

ЗАНЬ: часть первая

Регалия — лишь малая часть континента, далёкий от войны Ложных Корон клубок малых государств, утопающий в бесконечных интригах; земля тёплой осени и холодных крепостей, толстосумых вельмож и их нищих подданных. Границы здешних царств переписываются год от года, солдаты крепко верят лишь в звон монет, а о былых военных успехах супротив других государств Регалия помнит только обрывками знамён да мертвым королём в придачу. Регалия лежит раздробленной, но в злорадстве над большим соседом местные царьки да графы чувствовали меж собой подобие единства. Любая власть здесь живёт по воле случая, и ново-явленные правители гибнут от кинжала товарища чаще, чем от вражьего меча.

Зань скакала от одного угрюмого городка до другого, едва поспевая менять кляч. Множество зыбких границ пересекла она под покровом ночи, днём смешиваясь с толпой да набирая провизию в дорогу. Пару раз мастерица якобы попала за соглядатайством. Гостям из Королевства в Регалии не доверяли и до падения собственного короля, чего уж говорить о теперешних временах. Сбегала Зань из-под стражи ловко и незаметно, случайно обронив золотой-другой перед своим исчезновением... Так, по крайней мере, описывали внезапную пропажу бесхитростные, но корыстные стражники.

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

Взятками да откупам карманы мастерицы пустели, люди всё чаще узнавали одинокую путешественницу, и всё реже дороги были пусты от личностей тёмных да коварных. Но везение соблаговолило младшей дочери Регола: добротная кобылка доставила Зань в шахтёрский посёлок близ Цынных гор, где и устроилась девушка подмастерьем старого кузнеца, что кирками приторговывал да колёса подбивал.

За наковальней была Зань не крепче, не умнее сестёр, но работала честно, дабы не опорочить род и не подвести владельца кузни. Собственное чутьё отводило мастерицу от плохих заказов, неважных разговоров и мутных затей, коих среди простого народа Регалии было полным-полно, и лишь честным трудом заработала кузнец на последний ход в своём непростом путешествии. Стоя однажды на рыночной площади, она подняла взгляд к вершинам — и содрогнулась, будто спустился к ней мороз с белых скал.

Меж заказами Зань изучала, чем и как шахтёры работают, чтоб твердь земную дробить. Донимала тех, кто ходил в горы, и среди покорителей вершин сыскала компанию: сплошь знатоки и советчики! И правильному дыханию в высоте обучили, и владение инструментом горным передали, чтоб этой самой высоты достичь. Но никто не рискнул пойти с девушкой на город Сиим, что чёрной тенью стоял у самого снежного обрыва.

— Зареклись мы, Заня, к сиимцам мёртвым лезть, — говорил самый бывалый из скалолазов тихо, чтоб чужие уши не греть. — Одним путём туда добраться можно, да боязно: земля там сильнее к себе тянет, ветер рубаху рвёт да горло сводит. Сначала по тропе пойдёшь — смотри с пути не сбейся! К обрыву выйдёшь — только вверх ползи, как учили. Иной дороги нет туда!

Немало людей погубил город мёртвый: от храбрых духом воинов до простых крестьян тянулся список погибших иль пропавших без вести. Вновь почуяла Зань холод, но иного толка. Могильным ветром понесло от Цынных гор.

ЗАНЬ: ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Коль собралась ты в Сиим, милая моя, — как к дочери родной обращался старый кузнец, — помни: страшнее он всякой высоты. Говорят, там жуть сидит какая, человеку опасная. Берегись и стен его, и потолков и каждый шаг свой разглядывай.

— Спасибо, мастер, — поклонилась Зань, в памяти высекиши предупреждения.

Обняв старика, Регола дочь покинула временную обитель, напоследок оставив украдкой добрую часть нажитых денег: то была немая благодарность за место рабочее и тёплый кров. Единственным путём, указанным горняками, направилась младшая сестра в глубь и вверх холодных Цынных гор. Где-то здесь, меж шапок снега и ледяных клыков, стоял недвижимо безлюдный осколок ныне мёртвой империи. Стены его возведены единой линией с обрывом. Башнями пустыми смотрел гранитный город на Регалию, лишённый чувств.

Тропа петляла, шла вверх и вниз, терялась под ногами и чудом находилась вновь. Указательные знаки, измотанные морозами, немymi стрелами вывели мастерицу к подножию высокого обрыва. Железными калёными кирками, что сама она воспитала в кузне, впивалась Зань в скальную твердь, забывая за собою крючья с протянутым меж ними тросом. Всё делалось по заветам горняков, как по учёной строчке.

Она взглянула вниз лишь единожды: тропа пешая завиднелась тонкой белой нитью, протянутой меж россыпи камней. Цынные горы будто момента страха ждали — тотчас попытались сбросить с себя мастерицу! Чуть не сорвалась она, когда ветер схватил её за шкуру и потащил вбок и вниз. Инструмент железный выскочил из плоти гор, Зань до полусмерти испугалась — так и повисла над пропастью, кивая ей всем телом.

— Нет! Нет! — мотала Зань головой. — Не могу погибнуть я здесь и сейчас!

Направила она ладонь свою, вцепилась в скалы пальцами и потянула гору к себе. Так ей, по крайней мере, показалось. Продолжила мастерица своё восхождение, киркой да собствен-

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

ной рукой прокладывая путь. Под ногти лезла стужа с землёй, по всему телу дрожь бежала... Палец немой коснулся глади чёрного гранита, туда же впился железный клюв кирки, ещё немного...

Зань стиснутыми зубами да волей кованой достигла Сиим! Забралась наверх, вбила последний крюк, сбросила с себя мешок заплечный и чуть не рухнула в сон: настолько тяжела была дорога. Члены её дрожали усталостью, тёплые одежды медленно черствели от мороза, а дышать становилось всё сложнее. Цынные горы почти извели девушку, но Зань, презрев собственную слабость, поднялась на ноги.

Встречал каменный мертвец свою измученную гостью распахнутыми воротами, что едва слышно скрипели по воле ветра. Зань подняла взгляд: ещё выше, почти у небосвода, среди белых скал сияли гранитные диски. То были гигантские шестерни неведомого предназначения, уходящие глубоко в горные породы и движения всякого лишённые. Зань с неясным себе чувством обратилась к сиимцам:

— Даже скалы вам подвластны, а вы оставили и их. Где вы, о гранитные мастера? Ушли в глубины земные иль взлетели выше собственных гор?

Ответила лишь вьюга, чуть толкнувшая в спину. «Проходи», — велела она.

Возле порога не страшило девушку брошенное обиталище Сиим. Глубокую тоску нагоняли пустые дома с просевшими от снега крышами, разграбленные стихией улицы, бесхозные вещи в ледяных рельефах. Механизмы могучие, подавившись наледью на зубьях, стояли смиренно, более не пытаясь вершить волю своих создателей. Шла Зань меж этих гранитных гробов как во сне. Слышала она во вьюге детский смех, говор деловой, рыдания разбитых сердец и простую ругань. Побоялась мастерица встретить среди построек призрака, затрясла головой, отгоняя древнее эхо.

— Какое страшное горе, — сказала она сама себе.

Вышла к главной площади: большой, широкой, подобной сердцу паутины из десятков улиц и переулков. Статуя немая,

покинув постамент свой, ныне лежала возле него неясной грудой, лишённой даже лика. Рука ещё сжимала кубок, а меж искусных складок мантии поблёскивали золотые нити. Фонтаны вокруг более не вздымали воду, только ледяная корка осталась от их работы, скрывая под собой гранёные монеты да мелкие камушки. В ряде единых видом зданий гостя разглядела высокий храм неизвестного жителя Междумирья. По окаймлённой золотом дороге, по пути громких молитв и босых стоп, направилась девушка к сооружению в надежде найти хотя бы пожитки Зука.

Собственную красоту святое место потеряло. Наружные барельефы храма затёрло ветрами и после забило снегом. Колокольня осколками впилась в гранитную крышу, пустив света в некогда полный трепета сумрак. За прикрытой дверью тянулся длинный зал, уходящий будто в глубь гор. Каменные скамьи, расставленные строгим рядом по левую и правую стороны от металлической дорожки, на ощупь были холоднее льда. Высокие стены гудели эхом при каждом шаге гостя, колонны недвижимо держали купол небосвода из золотых линий и точек, разбавленных пятнами звёзд. В конце длинного зала стояли громоздкие весы, в пустоте чаш своих нашедшие баланс.

Зань сделала ещё шаг — и что-то зашевелилось в самом тёмном углу с коротким металлическим скрежетом. Девушка обернулась, но не раскрыла личины обитателя храма, а только смутно дорисовала из грубых черт воина в тяжёлых латах. Мастерница нащупала за поясом кирку.

— Кто здесь? — обратилась она громко к неизвестному. Храм люжину раз повторил за гостьей.

Зажгла Зань лампу и светом нашла источник звука. Некто, широкий в плечах и малый головой, сидел возле сложенных шалашом брёвнышек, держа над ними руки. Искусной работы доспехи скрывали тело целиком, не обнажая в сочленениях даже кольчуги. На вид — медные или в хитром сплаве, угловатые и громоздкие, будто не под человека ковались. Особенно Зань впечатлил шлем: купол его был плоский, формы ромба, спу-

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

скающийся вниз единой частью, с двумя ломаными прорезями, без отдельного забрала.

— Добро пожаловать. — Обладатель доспехов приподнял голову, глас его не оставлял за собою эха. — Присядьте, отдохните, согрейтесь.

Брёвна давно промёрзли, и даже хороший трут да искра не пробудили бы в них жара.

— Но здесь нет огня, — осторожно заметила Зань.

— Огонь — это к пожару. Костра должно быть достаточно.

Побоялась спорить Зань с неизвестным и присела напротив. Держа наготове кирку, мастерица вгляделась в черты обитателя города. Изморозь мхом росла на угловатом шлеме, сквозь щели которого не выходило ни дыхания, ни взгляда — одна темнота.

— Кто вы? — спросила Зань.

— Солдат, оставшийся без войны. — Он стряхнул с грудной пластины снежную пыль. — Но ныне — только страж. Говоря со мной, вы говорите с нашим славным городом. Вы что-то хотите узнать?

«Рассудок стражника лежит в руинах, — подумала гостья. — Со стороны иной, ведь может он знать, где мастер или его работы. Надо спросить! Но аккуратно!» — она решительно себе кивнула.

— Да. Знаете ли вы... — начала Зань, но почувствовала, что лучше не спешить, — зачем вам тогда доспехи, коль войн нет? В них сейчас, наверное, очень холодно.

— Чтобы быть. Без них я — никто, как вы без мышц и костей. А холода я не боюсь...

— ...Потому что костёр рядом... — закончила мастерица и тяжело вздохнула.

— Верно! Моя очередь, — сказал стражник. — Вы кто? На шпиона, вора, убийцу не похожи... Даже подозрительно.

Опыт общения с блюстителями порядка вынудил мастерицу последовать чуждым правилам.

ЗАНЬ: ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Зань Стук, дочь Регола Стука, кузнец из города Киррик, — представилась она со всей возможной точностью.

Оба замолчали. Зань достала хворосту, трут да огниво, чтоб развести костёр и наконец-то согреть руки.

— Киррик, значит... — страж попытался прощупать на шлеме подбородок, — таких мест я не знаю.

— Это за границей Регалии, в глубине большей части континента, в Единственном Королевстве, — быстро объяснила девушка.

— Какое-то безумное нагромождение неизвестных мне названий! — признался страж, раздосадованно замотав головой.

— Вы очень давно обитаете в Цынных горах. Мой черёд, — мастерица улыбнулась.

— Виноват! — Он наклонился, затем медленно выгнул спину обратно. — Слушаю вас.

Навершие клинка, что ютился в ножнах, тихо коснулось полых доспехов. Зань не могла более отвести от орудия взгляда. По очертаниям ножен, длине рукояти — полторник, с крепкой угловатой гардой.

— Вы не собираетесь нападать на меня?

— Нет. Меч покинет ножны лишь затем, чтобы сразить врага. За вами не числится ни единого преступления, следовательно, и нападать на вас не стоит. И, пожалуйста, — рукой он махнул на кирку, — с такими инструментами лучше по улицам не ходить. Иначе изыдем.

«Он может быть здесь не один», — подумала Зань, просовывая кирку за пояс.

— Моя очередь, — сказал стражник.

— Хотите спросить про костёр? — Глаза Зани блеснули в свете молодого огня.

— Моя очередь, — терпеливо повторил солдат. — Зачем вы прибыли в город?

— Я ищу кое-кого. Одного мастера.

— Здесь давно не было никаких мастеров. — Страж помолчал немного. — Только бездарность.

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

— «Бездарность»? — переспросила девушка.

— Да. Моя очередь.

— Постойте, я не...

— Те, кто ниже, — продолжил страж против невнятных возражений, — у подножия наших гор... Кто эти люди? Враги?!

Солдат латунный потянулся к рукояти меча. Движение быстрое, но плавное, без единой посторонней линии, отточенное в сотнях и сотнях баталий, потому почти незаметное. Вспыхнуло в щели устьем и гардой раскалённое добела лезвие. От стража понесло жаром, как из кузни.

— Нет, ни в коем случае! — Зань выставила вперёд руки, пытаясь успокоить древнего обитателя. — Они боятся... Вас. И вряд ли рискнут соваться.

Страж не спешил обнажить клинок. Прoderжав меч ещё мгновение, он лишь щёлкнул им — и оставил плотно закрытым, как сотнями лет до этого.

— Врагам и стоит нас бояться! — холодно и громко рассмеялся страж. — Тогда зачем они лезли?

— Моя очередь! — нетерпеливо вскрикнула Зань. — Был ли среди гостей ваших кузнец?

Солдат поднялся. Был он на четыре головы выше мастерицы, совсем не человек — гигант, каких только по книжкам знавали. Походкой резкой, угловатой он от костра ушёл в сумрак.

— Прошу за мной, — велела темнота.

Во глубине храма Биланх¹, бога порядка и равновесия, под тонким одеялом лежало скрюченное, промёрзлое тело, сжимающее в руках потёртую клюку. Покойник был не толще ветви, кожей огрубевший и почерневший от смерти. В прищуренных очах — пустота, тронутая голодными птицами целые столетия назад. Зань с трудом сдержала рвоту. Великий мастер Зук, один из трёх отцов знаний кузнечных, в последние свои

---

¹ Биланх, как продолжение хаоса великой пустоты, не имеет ни пола, ни числа. Обращаться велено к Биланх так, как требует в моменте внутренняя пустота человека.

ЗАНЬ: ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

дни прятался за стенами полуразрушенного храма в городе призраков. Он и его секреты — тишина за гнилыми зубами. «Кого же я ожидала встретить?» — подумала Зань, протирая глаза.

— Он ушёл во сне, как подобает старику, — чуть склонился к прошлому гостю солдат. — Спокойная, тихая смерть.

— Нужно... Нужно... — мастерица будто забыла речь родную, — похоронить его!..

— Он — не гражданин, — неодобрительно произнёс стражник. — Путь на кладбище для него закрыт.

— Тогда... Тогда я спущу тело и похороню внизу, у подножия! — наскоро придумала Зань.

— Ваш план невыполним: ходы меж гор завалены, подъёмник уничтожен. — Тут страж затих, вспоминая. — Как вы вообще здесь оказались?

— По утёсу забралась... — едва хватило сил ей признаться.

Что-то внутри Зани треснуло. Цынные горы ослепительными вершинами своими злобно улыгнулись глупой девушке. Запертая среди холода, смерти и разрухи на пару с металлическим безумцем, склонившаяся над покойным мастером — одним из трёх, кто повёл бы её навстречу истинам, — Зань не могла найти внутри себя и искорки надежды.

— Ого! — впервые удивился солдат. — Полагаю, тяжёлая была дорога?

— Не твоя очередь задавать вопросы! — вспыхнула мастерица. — Не твоя, проклятый сумасшедший! В этом ведре есть хоть что-то, окромя полной глупости?! — пальцем дрожащим показала она на угловатый шлем.

Страж снял его — видимо, прямо с головой. Наклонился чуть вперёд, выставляя напоказ содержание лат, а если вернее — полное того отсутствие. То оказалась пустая оболочка, коей для движения иль стойкости в ногах нужно было содержимое. Но ни тела, ни духа Зань внутри не видела: лишь скрежет механический стоял в металлической груди вместо шагов сердца.

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

— Во мне — воля Сиим, Зань Стук, дочь Регола Стука, кузнец из города Киррик, и более ничего. И я с трудом могу понять ваше положение, — признался страж и шлем на место поставил. — Разрешите уточнить: вы хотели встретиться с покойным?

Стыдно стало Зани за секунду бессмысленного гнева. Не в её природе распускать злобу.

— Простите за крики... — она низко поклонилась. — Да... Да, очень хотела... Я поднялась сюда, чтобы найти мертвеца и, видимо, поговорить с ним?.. — сама себя спросила девушка. — Я уже сама не знаю...

— Как же он вам ответит? — Что-то щёлкнуло внутри пустого доспеха. — Простите, ваша очередь.

— Неважно, чья очередь... Он должен был указать мне путь. Поделиться мудростью своей. Не оставил ли он что-то после себя? Может, дневник?

— Старик не умел писать.

— Как же так? — Тут опять вспомнила Зань правила игры дурацкой. — Ладно, задавайте свой вопрос.

— Знали ли вы, что он был слеп? — Ладонью огромной солдат повёл перед литым забралом.

— Нет, не знала. — Мгновение ушло на осознание. — Постоите, слепой кузнец?.. — Зань бровь приподняла. — Прошу, не издевайтесь надо мной.

— Я отвечаю на ваши вопросы, как вы — на мои. Издеваться нам не к лицу. Ваша очередь.

— Простите, я... Просто расстроена. Как же мне тогда спуститься? Как сёстрам в глаза посмотрю?..

— Ответ на первый вопрос. Старик пытался изготовить новое снаряжение для спуска в мастерской — без результатов. При всём желании, я на второй вопрос не отвечаю...

Зань засияла: вот он, следующий шаг. Коль оставлена была кузня, то и наработки незрячего Зука там должны найтись.

— Пожалуйста, отведите меня туда, в его мастерскую.

Страж расправил плечи, выкатил грудь и двинул маршем в сторону выхода.

ЗАНЬ: ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Прошу за мной.

Вечерело: солнца почти скрылись за Цынными горами, длинные тени заплыли меж улиц. «Отсюда даже не видать заката», — подумала Зань, разглядывая след уходящих звёзд. Её спутник, меривший дорогу широкими шагами, шёл наперекор порывам ветра, лишь время от времени оборачиваясь — как если б были у сей машины глаза или иной предмет восприятия.

Слепой мастер вёл свои работы в огромном здании цеха, уходящего в скальные стены. Длинное помещение, сокрытое за массивными дверьми, каждым углом повторяло Биланхово жилище: как труд в сознании Сиим был отражением веры, так и их великая мастерская — копия дома божества. Около сотни рабочих могло обитать: у каждого было бы и по верстаку, и по набору инструментов, даже наковальня своя. А над наковальнями висели механизмы, приводимые в движение лесом рычагов.

Горн здесь стоял вместо алтаря и внушал трепет одним лишь своим видом. Из чёрного гранита выбито было вместилище теплот высоких и всех восьми ветров, напоминая складом и трубами торчащими вырванное из груди сердце.

— Здесь я родился. — Страж коснулся шлема неведомым жестом. — И сотни таких, как я. Впечатлены?

— О да... Ещё бы не впечатлиться...

Зань быстро нашла обжитое место своего предшественника: было оно центром хитрой паутины лесок и верёвок. К наковальне тянулась та, что потолще да поглубже, к молоточкам — тоненькая, на ощупь шёлковая. И третья — цепочка, ещё тёплая, как от прикосновения рук, — от наковальни к горну чрез весь зал.

— Так вот он как ориентировался... — мастерица рассуждала вслух, не стесняясь стража. — Как он ходил, я поняла, но как же он так работал?..

— Бездарность жил здесь по моей воле. Он просил меня дать место для работы — я дал. Владельцы цеха не сказали ни слова против.